

БИБЛЕЙСКАЯ КРИТИКА

ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ У. БРЮГГЕМАНА И ПЕРСПЕКТИВЫ БИБЛЕЙСКОГО БОГОСЛОВИЯ В XXI В.

Священник Алексей Волчков

кандидат теологии
руководитель направления «Проекты и гранты»
Санкт-Петербургской духовной академии
191167, Санкт-Петербург, набережная Обводного канала, д. 17
volchkov.81@gmail.com

Для цитирования: Волчков А. С., *свящ.* Теологический проект У. Брюггемана и перспективы библейского богословия в XXI в. // Библия и христианская древность. 2021. № 2 (10). С. 176–189. DOI: 10.31802/BCA.2021.10.2.006

Аннотация

УДК 27-278

Статья посвящена творчеству выдающегося библеиста и богослова Уолтера Брюггемана. У. Брюггеман известен не только как авторитетный исследователь и комментатор многих ветхозаветных текстов, но и как представитель традиции «библейского богословия» — всё менее популярного в западных научных кругах направления гуманитарной мысли. На богословское начинание американского теолога существенное влияние оказали новейшие течения в современной западной философии и литературоведении (постструктурализм, деконструктивизм, риторический критицизм, семиотика). В статье исследуется, в какой мере У. Брюггеману удалось совместить приверженность постмодернистской герменевтике и верность традиции библейского богословия.

Ключевые слова: библейское богословие, У. Брюггеман, постмодернизм, Ж. Деррида, текстуальность, текст, канон, канонизация, интертекст, интертекстуальность, Писание, Предание.

Введение

В названии дисциплины «библейское богословие» определёнno присутствует плеоназм¹. Разве не любое богословие, существующее в христианской или иудейской среде, является *библейским*, то есть основанным на священных текстах? Сложности с библейским богословием этим не исчерпываются. Как и любая наука, библейское богословие имеет целью систематическое изложение своего предмета, который представляется единым и определённым. Но ветхозаветные тексты являются довольно разнородными как по происхождению, так и содержательно. Различные общины, находившиеся в специфических социально-исторических обстоятельствах, разнообразным образом формулировали своё упование на Бога и Его спасающую силу. Особенно существование библейского богословия становится проблематичным в наше время. Культура постмодерна, активно проникающая в мир гуманитарных исследований, делает акцент на мозаичности, фрагментарности и противоречивости любого исследуемого явления (текст, институт, историческая эпоха). Возможен ли в настоящее время труд, в котором был бы реализован синтез разнообразных течений и школ, отражённых в Библии?

«Библейское богословие» появляется в Европе в эпоху Просвещения и активно развивается в течение всего XIX и в первой половине XX в. К середине XX в. исследователи приходят к выводу о проблематичности какого-либо синтеза, способного обобщить и систематизировать весь богословский багаж библейской традиции. Гораздо более перспективным направлением выглядела разработка отдельных пластов и традиций библейского предания (богословие синоптиков, источника Q, теология школы Иоанна и прочее). Вместо библейского богословия стало принято говорить о библейских богословиях.

Публикация в 1997 г. фундаментальной работы У. Брюггемана явилась серьёзным событием в истории библеистики XX в.² В эпоху значительной дисциплинарной фрагментации появился труд, претендующий на анализ всего корпуса ветхозаветных текстов. Автор называет свой труд «богословием», чем ставит свою работу в один ряд с трудами

1 Филологический оборот речи, содержащий однозначные (частично или полностью совпадающие по значению) слова, выражения.

2 *Brueggemann W. Theology of the Old Testament: Testimony, Dispute, Advocacy. Minneapolis, 1997.*

известных исследователей этого направления: В. Эйхрода³, Г. фон Рада⁴, Б. Чайлдса⁵ и др.

У. Брюггеман является одним из ведущих и наиболее известных библеистов современности, его перу принадлежат более 50 книг⁶, посвящённых разным библейским сюжетам. В настоящее время У. Брюггеман является заслуженным профессором Ветхого Завета Колумбийской богословской семинарии, штат Джорджия. Исследования многих ветхозаветных книг (Бытие, Исход, Второзаконие, 1 и 2 Царств, Исайя, Иеремия, Псалмы) невозможно представить без обращения к экзегетическим комментариям на эти сочинения, написанным У. Брюггеманом. Формирование У. Брюггемана как исследователя произошло в контексте не Академии, но американских семинарий (Eden Theological Seminary, Columbia Theological Seminary). Все книги У. Брюггемана основаны на теологическом подходе к исследуемым текстам. Методы критического рационализма, разнообразные попытки «препарировать Писание» вызывают у Брюггемана отторжение.

Метод

У. Брюггеман не является профессиональным философом, в его сочинении нет обстоятельного анализа и последовательного применения разработанных философами герменевтических понятий к исследуемому литературному материалу. При этом У. Брюггеман хорошо знаком с основными идеями таких представителей постструктурализма, как Ж. Деррида, Р. Барт, Ю. Кристева и часто цитирует их сочинения. У. Брюггеман трактует ключевые понятия экзегетического процесса именно с постмодернистских позиций. Постмодернизм для У. Брюггемана — предоставленная тексту возможность обладать эпистемологической «неразрешённостью (unsettledness)»⁷. Текст, окончательный смысл которого объявляется неясным, нерешённым, неустойчивым,

3 *Eichrodt W.* Theologie des Alten Testaments. Leipzig, 1933–1939. Bd. 1–3.

4 *Rad G., von.* Theologie des Alten Testaments. München, 1957–1967. Bd. 1–2.

5 *Childs B. S.* Introduction to the Old Testament as Scripture. Minneapolis, 1979. P. 417.

6 На русский язык переведены следующие работы автора: *Брюггеман У.* Великие молитвы Ветхого Завета. М., 2009; *Брюггеман У.* Введение в Ветхий Завет. Канон и христианское воображение. М., 2009. (Современная библеистика); *Брюггеман У.* Пророческое воображение. Черкассы, 2012; *Брюггеман У.* Бытие / пер. с англ. Л. Колкера и П. Валенчука. Черкассы, 2013. (Толкование).

7 *Brueggemann W.* Theology of the Old Testament. P. 64.

беспокойным (различные переводы на русский слова «unsettledness»), получает на страницах книги У. Брюггемана свободу от монополии историко-критических подходов.

Говоря о методологии богословского начинания У. Брюггемана, следует сказать, что в ней нет двух элементов, чаще всего присутствующих в подобных начинаниях. Речь идёт о полном невнимании к историческому контексту библейской традиции, а также об игнорировании онтологической проблематики в работе У. Брюггемана. По этой причине работа производит впечатление одновременно и недостаточно научной, и неубедительной с теологической точки зрения.

Автор уделяет много внимания обстоятельной критике устоявшегося в библеистике историко-критического метода. Повторяя многие постструктуралистские аргументы, У. Брюггеман указывает на то, что подобный «позитивистский» подход не даёт возможности отнестись к Писанию как истинному Слову Божию. Заметим здесь, что знакомство с базовыми принципами постструктуралистской герменевтики сочетается у автора с искренним желанием трактовать Библию как живую и аутентичную весть о Боге.

В центре исследовательской работы Брюггемана находится сам текст, а не стоящая за ним историческая реальность. Учёный релятивизирует все попытки воссоздать стоящую за текстом историческую действительность. Важно не то, «что было», но то, что в литературном мире библейских книг описываемые события считаются состоявшимися.

На 700 страницах своей работы американский теолог нигде не обращается к истории Израиля, также не уделяет никакого внимания окружающему культурно-историческому контексту. У. Брюггеман видит в практике учёных, использующих исторический анализ и ищущих параллели в мировоззрении окружающих народов, настоящий редукционизм, лишь уводящий от цели исследования. Учёный с большим одобрением оценивает исследования Карла Барта⁸. Удивительно, но Брюггеман в своём обзоре истории ветхозаветного богословия подробно останавливается на парадигме немецкого теолога, работавшего преимущественно с новозаветным материалом. Для К. Барта библейская весть обладает таким качеством как *нормативность*, она не обусловлена человеческим опытом и не проистекает из него. Впрочем, сам У. Брюггеман вовсе не является продолжателем неоортодоксального проекта К. Барта. Можно сказать, что тезис К. Барта о том, что Библию невозможно объяснить

8 Brueggemann W. Theology of the Old Testament. P. 16–20.

историческим контекстом, трактуется Брюггеманом сквозь призму идей литературоведа-постструктуралиста Р. Барта. Для американского теолога Бог существует в текстуальном пространстве дошедшего до нас библейского текста и для Его понимания нет никакой нужды в изучении истории самого текста. Подобный подход к тексту многим может показаться откровенно «реакционным», ведь подобная интерпретация священного текста в настоящее время свойственна лишь консервативным конфессиональным кругам. Изучение эпиграфического материала, данные археологии и лингвистики, изучение реальной истории Израиля, анализ литератур окружающих народов, поиск типичного и уникального в вере Израиля — весь этот комплекс подходов отвергается У. Брюггеманом по причине скомпрометированности этих методик рационалистическим позитивизмом, царившим в XIX в.

Вторая примечательная черта сочинения У. Брюггемана — полный отказ от онтологической проблематики. Действуя совершенно в русле постмодернистской парадигмы, У. Брюггеман предпочитает работать с тем, что дано непосредственно в самом тексте. Если философия модерна не замечала текста, то деконструкцию и связанные с ней философские течения (семиотика, постструктурализм и прочие) нередко обвиняют в чрезмерной заикленности на тексте («текстуальный изоляционизм» философии постструктурализма). Деконструкция заявляет, что внетекстовой реальности не существует. В работе Ж. Деррида «О грамматологии» содержится одно из самых известных его высказываний: «Вне текста не существует ничего» (франц. «Il n'y a pas de hors-texte»)⁹. Философия (и особенно литературоведение) постмодерна рассматривает весь мир как огромное текстуальное пространство («текст без берегов»). Каждый из элементов мира может восприниматься и прочитываться как текст, определённая семиотическая последовательность. Как для деконструкции, так и для теологического проекта У. Брюггемана всё (в том числе и Бог) мыслимо в тексте. «То, с чем мы имеем дело в Ветхом Завете, это текст и больше ничего»¹⁰, — провозгласил американский учёный.

Свою методологию богословского исследования У. Брюггеман именуется «риторической критикой (Rhetorical criticism)». Он пишет: «Бог ветхозаветной теологии целиком живёт в риторическом пространстве библейского текста, нигде больше и никаким другим образом»¹¹. По мнению

9 Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. М., 2000. С. 318.

10 Brueggemann W. Theology of the Old Testament. P. 713.

11 Ibid. P. 66.

американского богослова, этот подход лучше всего совместим не только с культурной ситуацией эпохи постмодерна, но и с природой самого ветхозаветного материала¹². Брюггеман считает, что Ветхий Завет — это не книга об исторических событиях, но собрания свидетельств (*utterance* — одно из самых частотных в тексте слов) Израиля о своём Боге. Совершенно всё содержание Ветхого Завета, включая описание исторических событий, имеет текстуальную природу, поэтому должно исследоваться риторическими приёмами. В случае с У. Брюггеманом богословие всецело оправдывает своё название, поскольку превращается в разговор, посвящённый «словам о Боге». Автор и главный участник этого разговора — сам Израиль.

Можно заметить, что мысль У. Брюггемана можно истолковать и в совершенно нетеологическом ключе: Библия является *всего лишь* продуктом человеческой культуры. В этом случае любой разговор об Откровении и боговдохновенном характере Писания является неуместным. Не случайно в семисотстраничном сочинении Брюггемана нет раздела, посвящённого теме откровенного характера библейской вести.

Метафора суда

Для У. Брюггемана Ветхий Завет представляет собой совокупность различных голосов. Эти голоса принадлежат различным традициям и писателям, отражают взгляды, свойственные разным периодам истории Израиля. У. Брюггеман не скрывает, что эти голоса нередко спорят друг с другом. Может ли Священное Писание быть противоречивым и непоследовательным в том, что рассказывает о Боге? По мнению У. Брюггемана, именно таким, противоречивым и непоследовательным, и должно быть собрание израильских свидетельств о Боге, противоречивом и непоследовательном.

Для изложения этих взглядов богослов обращается к метафоре суда. Вообще, оригинальный способ организации разнообразного и сложно поддающегося обобщению и систематизации библейского материала, является одной из наиболее примечательных сторон книги У. Брюггемана. Американский библеист отказывается заниматься попыткой изложить какое-то систематическое учение о Боге, избегает по подобию своих предшественников искать «ядро», «основную идею», «базовый нарратив» в ветхозаветной традиции. Обнаружение подобного

12 Brueggemann W. *Theology of the Old Testament*. P. 63.

«центра» или «ядра» является для американского библеиста прежде всего чем-то совершенно произвольным и субъективным. Помимо этого, данный подход моментально относит все свидетельства, не вписывающиеся в данную схему, к разряду второстепенных и маргинальных. С другой стороны, У. Брюггеман не считает допустимым видеть в многогласии библейских свидетельств и какофонию, белый шум, который не может дать никакого представления о Боге. Такой подход также является формой насилия над библейским повествованием, поскольку представленные в библейском тексте традиции являются участниками полемики *об одном и том же* Боге.

Центральная метафора работы — образ суда. Так, первая глава «Israel's Core Testimony» излагает на основании библейских фрагментов знакомое всем учение о Боге, который понимается как Творец, Учредитель Завета, Освободитель. Этому «свидетельству» противостоят встречные «показания», содержащиеся в иных библейских фрагментах (глава «Israel's Counter-testimony»). Здесь Бог Израиля предстаёт как скрытый, противоречивый, непоследовательный, несущий угрозу и тревогу, неудержимый в гневе. Третья глава «Unsolicited Testimony» анализирует «свидетельские показания» тех библейских мест, которые обладают определённой автономностью и, как правило, «не принимаются во внимание» при создании общего богословского синтеза, основанного на ветхозаветных текстах.

Трагическое событие разрушения Иерусалима, последующий плен и возвращение — всё это породило множество скептических рассуждений о Боге и его «верности» в библейской традиции. Размышления над трагическими событиями в истории Израиля привели к появлению многочисленных текстов, где Бог был представлен как капризный и непредсказуемый, связь с которым дарует не только безопасность и надежду, но и риск вызвать гнев Небесного Владыки. Библейский жанр плача, литература Премудрости, Иов — в этих книгах чаще всего выражается «контрсвидетельство» о Боге и его характере.

По мнению У. Брюггемана, все эти голоса являются одинаково аутентичными для Библии. Более того, лишь подобная совокупность противоречивых свидетельств о Боге в силах познакомить с противоречивым Богом еврейской Библии.

У. Брюггеман опирается на метафору суда, но этот суд понимается им довольно своеобразно. Это ни в коей мере не то судопроизводство, которое встречается сейчас в развитых странах. Судебный процесс в понимании У. Брюггемана не устанавливает истину, не наказывает

преступника. Наконец, суд, с которым мы сталкиваемся на страницах «Богословия Ветхого Завета», не знает улик, не работает с фактами. Пространство, в котором существует этот суд, имеет совершенно риторическую природу. Задача участников судебного поединка, агона, изложить свою позицию, выговориться. С этим связано полное игнорирование Брюггеманом вопросов реальной истории Израиля. По мнению американского теолога, ни археологические находки, ни данные эпиграфики, ни исследование культуры окружающих народов не могут служить подспорьем в изучении Писания.

Заметим, что благодаря такой композиции и по причине исходной методологической установки У. Брюггеману удалось преодолеть один из, как ему видится, недостатков предшествующей традиции «библейского богословия». Богослов исходит из теологического представления о «противоречивом Боге», поэтому имеет возможность включить в свой синтез совершенно все свидетельства Ветхого Завета. Несомненно, все сторонники поиска «канона в каноне», центральных (центральной) тем в Ветхом Завете такой возможности были лишены. Их синтез всегда опирался на какую-то конкретную традицию, в результате чего остальные объявлялись вторичными, маргинальными, архаическими (то есть примитивными) или, наоборот, более поздними (то есть возникшими в результате сторонних влияний).

У. Брюггеман доводит до конца одно из наблюдений школы библейского богословия и говорит о том, что в богословском отношении Библия является противоречивой книгой. Для каждого тезиса есть свой антитезис, в этом проявляется «полифонизм» (термин М. Бахтина) библейской традиции. В этой связи любая попытка систематизировать эту *противоречивую* вещь, упорядочить хаос божественного текста может рассматриваться как неуместная и самонадеянная. Для Израиля, утверждает У. Брюггеман, не метафизическое представление о «боге» помогает понять Яхве, но, наоборот, опыт взаимодействия с «Богом Израиля» является первичным опытом, который в дальнейшем генерирует различные философские и теологические концепции. Богослов, пытаясь синтезировать на основании библейской вести единое и непротиворечивое учение, делает попытку усовершенствовать и доделать то, что Сам Бог посчитал уместным оставить незавершённым. В этой парадигме представление о хаосе, переизбытке смысла может рассматриваться как символ изобилия, свойственного божественному творению.

Заметим, что библейский текст, обладающий бесконечно большим спектром значений и возможных интерпретаций, лишается

«обязывающего» для христианина статуса. Подобный текст или ничему не может научить читателя, или даёт санкцию на совершенно любое действие. Одних Библия учит прощению и пониманию, других подталкивает к началу священной войны — критериев для определения практики, в большей степени основывающейся на библейском учении, в данном случае не остаётся никаких.

Бог библейского богословия У. Брюггемана

Книга У. Брюггемана вполне оправдывает своё название — она действительно является богословием, рассуждением о Боге, представленном в ветхозаветных текстах. Большинство критических замечаний к работе У. Брюггемана касаются именно *богословия*, представленного там. Богословие Библии не тождественно ни «истории библейских идей», ни истории религии. У. Брюггеман понимает свою богословскую задачу совершенно традиционным образом: он выступает в качестве верующего человека¹³, проповедника и адресует свой текст верующей общине¹⁴. Подобную установку можно сравнить с трапезой, участниками и собеседниками на которой являются, условно, Моисей или любой другой автор библейского текста, интерпретатор-экзегет, а также члены общины.

Как уже было сказано, ветхозаветные свидетельства о Боге, представленные в библейском тексте, свидетельствуют о Нём как о Боге противоречивом и непостоянном. Для читателя, привыкшего к тому, что Бог нашей веры обладает постоянством и чужд любой двойственности, рассуждения У. Брюггемана не могут не вызвать некоторого недоумения.

У. Брюггеман воздерживается от распространённого в христианской богословской традиции предположения о неполноценном и недостаточном характере ветхозаветного учения о Боге. По мнению У. Брюггемана, ветхозаветный образ Бога является в достаточной мере корректным и полным для христианского сознания. Новый Завет фактически продолжает рассказывать о *том самом* Боге, с Которым мы встречаемся на страницах Книги Псалмов или Иеремии¹⁵.

13 Автор не скрывает того, что является христианином и служителем.

14 По мнению автора, «ветхозаветное богословие принадлежит церковному сообществу» (*Brueggemann W. Theology of the Old Testament. P. 743*).

15 Волчков А. «Не препятствуй Мне излить на них Мой гнев и уничтожить их» (Исх. 32, 10). Богословие гневающегося Бога в Священном Писании // Христианское чтение. 2017. № 4. С. 207–224.

«Самоотверженный, последовательно требовательный и бесконечно беспокойный (self-giving, harshly demanding, and endlessly restless)»¹⁶, — таким У. Брюггеман видит Бога в ветхозаветных текстах. В другом месте своего сочинения У. Брюггеман описывает Бога следующим образом: «Одновременно независимый ни от кого, но и преданный. В высшей степени ревниво относящийся к уважению к себе со стороны людей и при этом страстно преданный своему избраннику»¹⁷.

Бревард Чайлдс укоряет Брюггемана в возрождении тех подходов к изучению Библии, которые были свойственны гностикам¹⁸. Так, американского теолога роднит с гностиками работа в рамках определённой философской парадигмы, акцент на диалектике в понимании Божества. У. Брюггеман учит о внутреннем противоречии в природе Божества, но от этого тезиса очень недалеко до настоящего гностического дуализма, в соответствии с которым добрый и последовательный в своей благодати Господь противостоит гневливому и капризному Божеству.

П. Хансон справедливо указывает У. Брюггеману на то, что библейская теология может не стыдиться онтологической проблематики, поскольку онтологическими вопросами задаются сами авторы библейских книг¹⁹. Разве в библейских книгах не прослеживается стремление определить свою веру в онтологических категориях существования, определённости, надёжности и непротиворечивости? Этим Библия пыталась отделить веру в Бога Авраама, Исаака и Иакова от мифопоэтических представлений окружающих народов, боги которых были как раз очень часто капризными и непоследовательными, а сами мифы являлись «словами и больше ничем». Бог Израилев, который «действительно есть», рассматривается в Библии как создатель этического универсума, главным хранителем и защитником которого выступает Он Сам (ср. Ос. 4, 1–3).

Именно то, что У. Брюггеман в своей работе резко дистанцируется от историко-критического метода, и приводит его, по мнению П. Хансона²⁰, к ошибочному представлению о противоречивом и непоследовательном Боге. Если исследователь уделяет достаточное внимание историческому контексту того или иного библейского отрывка,

16 *Brueggemann W.* Theology of the Old Testament. P. 228.

17 *Ibid.* P. 283.

18 *Childs B.* Walter Brueggemann's Theology of the Old Testament. Testimony, Dispute, Advocacy // *Scottish Journal of Theology.* 2000. Vol. 53 (2). P. 232.

19 *Hanson P.* Review of: A New Challenge to Biblical Theology // *Journal of the American Academy of Religion.* 1999. Vol. 67 (2). P. 450.

20 *Ibid.* P. 455.

то он воспринимает противоречивые свидетельства не как известия о противоречивом Боге, но как попытку различных групп донести своё понимание Божества, единого и непротиворечивого.

Чья Библия?

У. Брюггеман яростно выступает против любых попыток «приватизировать» Библию. В основном подобная угроза исходит, по его мнению, либо со стороны европейского рационализма, либо со стороны традиционного христианства. Он пытается «освободить» Библию из плена историко-герменевтического метода, признаёт иудейскую традицию интерпретации Библии как совершенно легитимную.

Подобный подход к Писанию также вписывается в мир постмодернистских подходов к литературному тексту. Постмодернистская критика пытается обнаружить и проговорить тот спор, который ведётся на страницах Писания между различными пластами и традициями библейского предания. Однако в этом споре нет правых и виноватых — все собеседники равноправны. Всё это не может не противоречить попыткам различных конфессиональных теологий установить монопольное право интерпретировать и «правильно понимать» Библию. Для сторонников постструктурализма, как и для У. Брюггемана, Библия является одновременно и баптистской, и адвентистской, и католической, при всём этом она остаётся «ничьей», препятствующей любому концептуальному империализму.

У. Брюггеман не скрывает своей конфессиональной принадлежности, он пишет и толкует Ветхий Завет как христианский богослов и проповедник. При этом он воздерживается от любых форм суперсессионизма — богословского представления о том, что христианская Церковь заменила Израиль в глазах Бога. У. Брюггеман не считает, что Церковь обладает монополией на толкование Ветхого Завета²¹. Еврейская Библия обладает ценностью сама по себе и не может быть понята исключительно как свидетельство о грядущем Мессии²². Этот тезис отстаивается автором столь настойчиво и часто, что впору задать вопрос: почему христианин вообще может читать Ветхий Завет?

Впрочем, можно упрекнуть У. Брюггемана в непоследовательной приверженности провозглашаемому принципу герменевтического

21 *Brueggemann W. Theology of the Old Testament. P. 733.*

22 *Ibid. P. 107.*

плюрализма. Так, он приглашает к своему «герменевтическому застолью» сторонников риторической критики (rhetorical criticism), приверженцев постмодернистских подходов, носителей иудейской традиции толкования, нехотя терпит за столом исторических критиков и христианских «конфессионально ангажированных» интерпретаторов. Но, спрашивает Дж. Левенсон²³, почему тогда за столом отсутствуют мормоны, сторонники научного креационизма или участники движения Biblical Code? Ответ, конечно, известен. Порицаемые У. Брюггеманом стандарты критически ориентированной научной работы диктуют ему подобную избирательность и фактически помогают автору в создании солидного и качественного сочинения.

Заключение

Какое богословие может быть у полифоничного Священного Писания? Богословие Библии, написанное в соответствии с принципами постмодернизма, не может не быть мозаичным, выражающим непреодолимый плюрализм библейской традиции, избегающим любого обобщения и богословского синтеза. Герменевтические ключи, выработанные христианской традицией в предшествующие столетия (толкование Ветхого Завета сквозь призму Нового, поиск центральной богословской темы и прочие), рассматриваются сторонниками постструктурализма как наивные и внутренне «тоталитарные». «Библейское богословие» У. Брюггемана являет собой хороший пример того, как основой большого синтеза может стать не принцип внутренней связанности и непротиворечивости, но представление об исходном разнообразии и мозаичности явления. Радует то, что приверженность постструктуралистской парадигме не лишает автора возможности что-то сказать, не приводит к молчанию, но служит стимулом для подготовки солидного тома объёмом в 750 страниц.

Библиография

- Волчков А. «Не препятствуй Мне излить на них Мой гнев и уничтожить их» (Исх. 32, 10). Богословие гневающегося Бога в Священном Писании // Христианское чтение. 2017. № 4. С. 207–224.
- Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000.

23 Levenson J. Is Brueggemann Really a Pluralist? // Harvard Theological Review. 2000. Vol. 93 (3). P. 267.

- Brueggemann W.* *Theology of the Old Testament: Testimony, Dispute, Advocacy.* Minneapolis: Augsburg Fortress Press, 1997.
- Childs B.* Walter Brueggemann's *Theology of the Old Testament. Testimony, Dispute, Advocacy* // *Scottish Journal of Theology.* 2000. Vol. 53 (2). P. 228–233.
- Hanson P.* Review of: *A New Challenge to Biblical Theology* // *Journal of the American Academy of Religion.* 1999. Vol. 67 (2). P. 447–459.
- Levenson J.* Is Brueggemann Really a Pluralist? // *Harvard Theological Review.* 2000. Vol. 93 (3). P. 265–294.

The Theological Project of W. Brueggemann and the Perspectives of the Biblical Theology in the XXI Century

Priest Alexey Volchkov

PhD in Theology
manager direction of the Project and Grant
at the Saint-Petersburg Theological Academy
17, Naberezhnaya Obvodnogo Kanala,
Saint-Petersburg 191167, Russia
volchkov.81@gmail.com

For citation: Volchkov, Alexey S., priest. "The Theological Project of W. Brueggemann and the Perspectives of the Biblical Theology in the XXI Century". *Bible and Christian Antiquity*, № 2 (10), 2021, pp. 176–189 (in Russian). DOI: 10.31802/BCA.2021.10.2.006

Abstract. The article analyses the work of the outstanding bible writer and theologian W. Brueggemann. Brueggemann is known not only as an authoritative researcher and commentator of many Old Testament texts but also as a representative of the tradition of «biblical theology», a trend of humanitarian thought that is becoming less popular in Western scientific circles. The theological endeavour of the American theologian was significantly influenced by the latest trends in modern Western philosophy and literature studies (poststructuralism, deconstructivism, rhetorical criticism, semiotics). The article explores the extent to which Brueggemann has managed to combine his commitment to postmodern hermeneutics with his loyalty to the tradition of biblical theology.

Keywords: Brueggemann, postmodernism, Derrida, textuality, text, canon, canonisation, intertext, scripture, tradition, biblical theology, deconstruction.

References

- Avtonomova N. (ed.) (2000) *Derrida Zh. O grammatologii [Derrida J. On Grammatology]*. Moscow: Ad Marginem (in Russian).
- Brueggemann W. (1997) *Theology of the Old Testament: Testimony, Dispute, Advocacy.* Minneapolis: Augsburg Fortress Press.

- Childs B. (2000) "Walter Brueggemann's Theology of the Old Testament. Testimony, Dispute, Advocacy". *Scottish Journal of Theology*, vol. 53 (2), pp. 228–233.
- Hanson P. (1999) "Review of: A New Challenge to Biblical Theology". *Journal of the American Academy of Religion*, vol. 67 (2), pp. 447–459.
- Levenson J. (2000) "Is Brueggemann Really a Pluralist?" *Harvard Theological Review*, vol. 93 (3), pp. 265–294.
- Volchkov A. (2017) "'Ne prepjatstvuj Mne izlit' na nih Moj gnev i unichtozhit' ih' (Ish. 32, 10). Bogoslovie gnevajushchegosja Boga v Svjashchenom Pisanii" ["Do Not Hinder Me from Pouring out My Wrath on Them and Destroy Them' (Ex. 32, 10). Theology of an Angry God in Scripture"]. *Christian Reading*, no. 4, pp. 207–224 (in Russian).